В шутливом взгляде юноши сквозило абсолютное спокойствие всезнающего мудреца. Да и голос, несмотря на юношеский тон, звучал немного ниже, чем у сверстников, чем весьма привлекал внимание собеседника. Се Лянь оправил полы одежд, с серьёзным видом выпрямился, поразмыслил немного и задал вопрос:

— Собиратель цветов под кровавым дождём — это прозвище рисует весьма поразительные картины, уважаемый друг, можешь ли ты поведать мне о его происхождении?

Дабы выразить уважение к юноше, Се Лянь не стал называть его «дружком», как было принято обращаться к детям. Юноша небрежно сел, оперевшись локтём о согнутое колено, поправил рукава цзяньсю1 и безразличным тоном ответил:

— Ничего особенного в его происхождении нет. Хуа Чэн всего лишь однажды разворошил гнездо одного демона, залив всю его гору кровавым дождём. Уже уходя, он заметил у края дороги цветок и заслонил его зонтом, чтобы нежные лепестки не побило каплями крови.

1 Цзяньсю — костюм с узкими рукавами, в древности считался платьем лучника.

Се Лянь, представив эту картину, словно наяву ощутил запах крови в воздухе, но вместе с тем и невыразимо связанное с этим событием утонченное изящество. Затем, вспомнив легенду о Демоне в красном, сжигающем храмы тридцати трёх Богов, с улыбкой спросил:

— Этот Хуа Чэн постоянно ввязывается в драки, где бы ни находился?

— Вовсе не постоянно, по настроению.

— Каким человеком он был в миру?

— Наверняка не очень-то приятным.

— Как он выглядит?

После этого вопроса юноша поднял взгляд на принца, склонил голову на бок, поднялся, подошёл к Се Ляню, уселся рядом и вместо ответа задал тот же вопрос:

— А как, на твой взгляд, он должен выглядеть?

Вблизи юноша казался ещё более очаровательным, к тому же его очарование обладало скрытой долей агрессии, словно меч, покинувший ножны, настолько ослепительный, что никто не осмеливался взглянуть на него в упор. Встретившись с ним взглядом всего на мгновение, Се Лянь тоже не смог устоять. Слегка повернув голову в сторону, он ответил:

— Раз уж это великий Князь Демонов, думается мне, у него в запасе имеется множество образов, которые он может менять на своё усмотрение.

Увидев, что Се Лянь отвернулся, юноша вскинул бровь.

— Гм. Но ведь порой он принимает настоящий облик. Мы, разумеется, говорим о его истинном обличии.

Возможно, это было лишь ложное ощущение, но Се Ляню показалось, что расстояние между ними как будто увеличилось, поэтому принц решил вновь повернуться к юноше лицом и

произнёс:

— В таком случае я склонен думать, что в истинном обличии он, возможно, похож на такого юношу, как ты.

Услышав его слова, юноша слегка приподнял уголки губ.

— С чего ты так решил?

Се Лянь ответил:

— Ни с чего. Ты ведь просто так спросил, а я просто так ответил. Всё происходит без причины, не более того.

Юноша громко рассмеялся и заметил:

— Ну а что если это не так? Кстати, он ведь слеп на один глаз. — Указав на свой правый глаз, он уточнил: — Вот этот.

Подобное предположение вовсе не являлось редкостью. Се Лянь раньше уже слышал о нём. В нескольких версиях легенды о Хуа Чэне демон носил на правом глазу чёрную повязку, закрывающую потерянный глаз. Принц спросил:

— Так ты, вероятно, знаешь, что стало с его глазом?

— Ага, на этот вопрос очень многие желают получить ответ.

Другие любопытствующие, по какой причине Хуа Чэн потерял глаз, в действительности желали узнать, в чём его слабое место. Се Лянь же спрашивал потому, что просто хотел знать. Принц не успел сказать ни слова, как юноша уже ответил:

— Он сам вырвал себе глаз.

Се Лянь так и застыл с вопросом:

— Почему?

— Впал в безумство.

— …

Обезумел до такой степени, что вырвал собственный глаз? Интерес Се Ляня к этому Князю Демонов в красном, Собирателю цветов под кровавым дождём, становился всё сильнее. Он, разумеется, догадывался, что истинная причина была намного сложнее, чем просто безумие, однако раз уж собеседник дал подобный ответ, вероятно, он и сам не знает подробностей дела.

Се Лянь продолжал спрашивать:

— Есть ли у Хуа Чэна слабое место?

Принц вовсе не ожидал ответа на свой вопрос, просто спросил по ходу беседы. Ведь если бы слабое место Хуа Чэна можно было узнать столь легко, он бы не был Хуа Чэном. К его удивлению, юноша сказал, совершенно не задумываясь:

— Прах.

Тот, кто заполучил прах демона, получал и полный контроль над ним. Ну а в том случае, если демон не подчинялся, прах можно было уничтожить, тем самым уничтожив душу и тело демона, то была общеизвестная истина. Однако применимо к Хуа Чэну она не имела столь огромного значения. Поэтому Се Лянь с улыбкой произнёс:

— Боюсь, что в мире нет героя, способного заполучить его прах. Подобную слабость и слабостью-то назвать нельзя.

Юноша возразил:

— Вовсе не обязательно. В определённых обстоятельствах демон может отдать прах по собственной инициативе.

Се Лянь переспросил:

— Например, как в тот раз, когда он заключил соглашение с тридцатью тремя небожителями и поставил на карту свой прах?

Юноша насмешливо заметил:

— Да разве он мог?

Он не договорил до конца, но Се Лянь услышал в его тоне: юноша был уверен, что Хуа Чэн не мог проиграть. Затем юноша продолжил:

— В мире демонов существует обычай. Если демон остановит на ком-нибудь свой выбор, тогда он может доверить свой прах в руки этого человека.

В действительности для демона это означало вручить кому-то другому свою жизнь. Настолько глубокое чувство доверия могло означать лишь искреннюю привязанность. Се Лянь с интересом спросил:

— Неужели и в мире демонов существует обычай, связанный с такими искренними и открытыми чувствами?

— Существует. Но пока ни один не решился его исполнить.

Се Лянь предполагал нечто подобное. На этом свете не только демоны могли обманывать людей, но и людской род водил демонов за нос; наверняка случалось, что люди использовали доверчивых демонов в своих целях и не раз предавали их. Принц заметил:

— Если кто-то, ослеплённый чувствами, вот так отдаёт всего себя, а в итоге его прах развеивают по ветру… и впрямь печальный исход.

Однако юноша, вопреки словам Се Ляня, рассмеялся.

— Чего страшиться? Если бы это был я, то спокойно отдал бы прах, захочет этот человек уничтожить его или же просто поиграть, пересыпая в ладонях, какая мне разница?

Се Лянь так и расплылся в улыбке, а затем внезапно вспомнил, что он всё ещё не узнал имени собеседника, даром что проговорил с ним уже так долго.

— Уважаемый друг, как я могу тебя называть?

Юноша приставил руку ко лбу, прикрывая глаза от красных, словно вино, предзакатных лучей, и зажмурился, будто не слишком любил солнечный свет.

— Меня? В семье я третий по счёту, так что все зовут меня Сань Лан2.

2 Сань Лан – третий по счёту, обычно подобным образом называли третьего сына. Наблюдается игра слов, согласно которой обращение также можно понять как “муженёк”.

Юноша не сказал ему своего имени, и Се Лянь не стал спрашивать, вместо этого представился сам:

— Мой фамильный знак — Се, имя состоит из одного иероглифа Лянь. Позволь узнать, не направляешься ли ты в деревушку Водных каштанов, как и я?

Сань Лан откинулся назад, оперевшись о соломенный стог, закинул руки за голову, а ноги положил одна на другую.

— Не знаю. Я иду, куда глаза глядят.

Расслышав в его словах скрытую причину, Се Лянь спросил:

— Что-то произошло?

Сань Лан кивнул и произнёс, растягивая слова:

— Поругался с домашними, меня и выгнали. Я давно скитаюсь, пойти мне некуда. Сегодня от голода я свалился на дороге без сознания, так что пришлось найти место, чтобы передохнуть.

Одет юноша был довольно небрежно, но при этом одеяния его явно были сделаны из материала высшего качества; прибавить к этому изысканную манеру общения, а также ежедневное безделье и ещё некоторые мелочи, и всё стало ясно. Се Лянь давно догадался, что юноша являлся молодым господином из богатой и знатной семьи, который всего лишь сбежал из дома в поисках развлечений. Но если юноша, с детства привыкший к роскоши, так надолго покинул дом в одиночку, в пути ему наверняка пришлось испытать немало невзгод, об этом Се Лянь, как никто другой, имел глубочайшее представление. Услышав, что юноша голоден, принц порылся в дорожном узелке и вынул маньтоу, про себя возрадовавшись, что она ещё не засохла, и спросил юношу:

— Будешь?

Тот кивнул, и Се Лянь протянул маньтоу ему. Сань Лан, глядя на него, спросил:

— У тебя больше нет?

Се Лянь ответил:

— Ничего страшного, я не очень голоден.

Тогда Сань Лан отвел от себя его руку с маньтоу.

— Я тоже пока держусь.

Се Ляню пришлось взять маньтоу и разломить пополам, затем протянуть юноше одну часть со словами:

— Тогда половину — тебе, половину — мне.

Лишь после этого Сань Лан согласился принять еду, сел рядом с принцем и принялся жевать. Сидящий рядом и поедающий маньтоу юноша выглядел немного ершистым, так что Се Ляню всё время казалось, будто он чем-то обидел паренька.

Телега неторопливо тащилась по склонам и подъёмам горной тропы, солнце постепенно зашло за западный край неба, а они всё продолжали беседу. И чем дольше они говорили, тем более странным Се Ляню казался этот юноша. Он был совсем молод, но при этом и в манерах, и в словах чувствовалось лёгкое пренебрежение и вольготность, словно не было ни на земле, ни на небесах ничего такого, чего он бы не знал и что могло бы его смутить. Потому Се Ляню казалось, что юноша слишком многое понимает и умён не по годам. И всё же иногда в его поведении проскальзывали нотки юношеского интереса. Когда принц заявил, что является главой монастыря Водных каштанов, юноша сразу же спросил:

— Монастырь Водных каштанов? Звучит, словно в нём можно до отвала наесться водяных каштанов. Мне нравится. Кому в нём поклоняются?

Вновь услышав вопрос, от которого голова становилась тяжёлой, Се Лянь кашлянул и ответил:

— Наследному принцу Сяньлэ. Ты, наверное, о нём и не слышал.

Юноша мимолётно улыбнулся, но так и не успел ничего сказать, когда телега внезапно подскочила.

Оба пассажира вместе с ней покачнулись, и Се Лянь, беспокоясь, что юноша может свалиться с телеги, резким движением протянул руку, чтобы поддержать его. Однако к удивлению принца, стоило ему дотронуться до Сань Лана, тот резко отбросил его руку в сторону, словно обжегшись обо что-то ужасно горячее.

И хотя выражение лица паренька лишь немного изменилось, Се Лянь почувствовал это, и подумал — неужели я, в самом деле, настолько противен ему? Но ведь всю дорогу они беседовали с таким удовольствием… Однако сейчас было не время размышлять об этом. Се Лянь поднялся и крикнул хозяину телеги:

— Что случилось?

Старик, погоняющий корову, спросил:

— Я и сам не понял, в чём дело! Рыжая старушка, что же ты остановилась? Ну, пошла!

Солнце уже опустилось за гору, наступили сумерки, а поскольку телега ехала через горный лесок, вокруг не осталось ни единого источника света. Старая рыжая корова встала как вкопанная, изо всех сил упираясь и не желая идти дальше, как бы ни подгонял её старик; животное то и дело мычало, глядя себе под ноги, и мотало хвостом, словно плёткой. Се Ляню происходящее показалось странным, он как раз собирался спрыгнуть с телеги, как вдруг старик, указывая пальцем вперёд, громко завопил.

Впереди на горной тропе показался целый рой зелёных огней, они тускло моргали, качаясь то в одну сторону, то в другую. К путникам медленно приближалась толпа людей в белых одеждах, которые держали в руках свои головы.

При виде незваных гостей Се Лянь вскрикнул:

— Щит!

Жое слетела с его запястья, закружилась вокруг телеги и повисла в воздухе белым кольцом, защищая троих людей и животное. Се Лянь, обернувшись к старику, спросил:

— Какой сегодня день?

Старик не успел и рта раскрыть, как юноша за спиной принца ответил:

— Пятнадцатый, седьмого месяца.

Седьмая полная луна открывает врата мира демонов. Се Лянь не взглянул на календарь, выходя за порог, и попал как раз на Праздник призраков!

Голос его сделался серьёзным:

— Никому не разбегаться. Сегодня день встречи с нечистью. Если собьёмся с пути, назад уже не воротимся.

http://tl.rulate.ru/book/93015/3064407